

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

**РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ:
ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА ОКЕАНА***

А. Деблазио. Конец русской философии. Традиция и переход в начале XXI века. – Нью-Йорк, 2014 (DeBlasio, Alyssa. The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century. – New York: Palgrave MacMillan, 2014. – 216 p.)

П.С. КУСЛИЙ

Оговоримся сразу: в книге Алиссы Деблазио, доцента русского департамента Дикинсон колледжа (США), проведшей не один год в России и хорошо знакомой многим философам Москвы и Санкт-Петербурга, речь почти не идет о современной российской философии, о наших ведущих философских школах, ее представителях, о содержании работы современных российских философов науки, эпистемологов, логиков, социальных философов, культурологов, историков западной и восточной философий. Уже во Введении (р. 14) автор сообщает читателю, что тот будет разочарован, если ждет найти в этой книге исследование направлений постсоветской и современной российской философии. При этом Деблазио пишет, что среди современных российских философов много мыслителей, высказывающих современные и плодотворные идеи, свободно владеющих иностранными языками и не уступающих своим коллегам на мировом уровне. Ее интерес, однако, не в них, а том, **что** она называет «риторикой “конца”» (a specific narrative of “ends”) в современной российской философии, который она связывает именно с тем, что во всем мире (в том числе и у нас) называется русской философией, и тем, что она считает ее концом в современном социокультурном контексте, где в общем-то существуем все мы – современные российские фило-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) «Социальная философия науки: Российская перспектива», грант № 14–18–02227.

софы. Отсылка к некоторым современным российским философам идет здесь по преимуществу через ссылки на их высказывания о состоянии русской (а также советской) философии. Именно в таком ключе здесь приводятся высказывания таких известных российских философов как В. Лекторский, Н. Мотрошилова, В. Подорога и других (но, разумеется, далеко не всех).

Начинается же данная книга с описания того удручающего положения, в котором, по мнению цитируемых автором российских философов, пребывает сегодня философская мысль в России. Это положение характеризуется смертью, или концом двух масштабных философских нарративов: русской религиозной философии и советской философской традиции. Если говорить коротко, то цитируемыми респондентами русская философия представлена как умершее направление, реанимация которого в постсоветское время провалилась. Советская философия в книге олицетворена Институтом философии РАН, а ее смерть связывается с утратой Институтом своего былого статуса в обществе и неспособностью реанимировать себя после распада СССР, что, с точки зрения автора, иллюстрируется «изгнанием» Института из его здания на Волхонке и общей темой анахронизма или увядания, присутствующей в приводимых автором цитатах из высказываний современных российских философов. Здесь и апокалиптические размышления одних о том, что через 10–15 лет РАН вообще упразднят, когда «вымрут “старики”», а ее вес в обществе превратится в исчезающе малую величину» (р. 13, 163), и рассуждения других о том, что расформирование «желтого дома» — вообще единственная надежда для академической философии в России. Одним словом, приводится довольно много высказываний в адрес Института и его будущего, сделанных в разное время различными критиками от А. Зиновьева до В. Анашвили с общим выводом о том, что в начале 2000-х философии в России просто нет (р. 2).

Сам автор, однако, не присоединяется к этим негативным констатациям или прогнозам, а обращается к вопросу о том, как вообще может наступить конец философии, ведь если понимать ее как размышление над фундаментальными вопросами существования, истины, морали, то философия бессмертна в любом обществе, покуда в нем существует такого рода мыслительная деятельность. Поэтому реалии современной ситуации в российской философии Деблазио рассматривает как переходный этап, который, как предполагает автор, закончится распространением в России философии, в полной мере интегрированной в мировую философскую мысль.

Трудно однозначно утверждать, насколько успешно автору удалось построение именно такой перспективы. Это, во-первых, как кажется, связано с неоднородностью самого объекта исследования. Автор, например, оговаривается, что исследовать будет преимущественно судьбы того, что стандартно называется «русской философией» и истолковывается исключительно в религиозно- и национально-ориентированном ключе. (Здесь сразу возникают вопросы: почему именно эта традиция? Почему только она? Насколько подобный опыт анализа может быть репрезентативным? К сожалению, рассмотрение этих вопросов, по большей части, остается за рамками монографии.) Во-вторых, лично для меня, как рядового читателя, остались не до конца понятными как отдельные аспекты содержания аргументации, так и ее общий порядок: первая глава посвящена проблемам определения понятия русской философии, вторая — анализу публикаций некоторых маргинальных (за исключением «Логоса») философских журналов, вышедших в 1990-е гг., третья и четвертая — истории русской философии как направлению в философии и жанру, пятая глава — содержанию философских концепций С. Хоружия и В. Подороги, шестая — понятию интеллигенции и его соотношению с понятием интеллектуала.

Нельзя сказать, что автор не дает пояснений при переходе от одной главы к другой. Скорее, наоборот: здесь, как и во всякой качественной работе, каждая глава сопровождается вводными и заключительными абзацами, в которых ее содержание и порядок его изложения, соответственно, предвосхищаются и подытоживаются. Поэтому мое личное непонимание здесь связано не с разрозненностью изложения (в этом плане, как раз, проблем нет), а скорее с выбором материала и принятых решений по его подаче. Об этом я еще скажу ниже, ибо теперь перехожу к рассмотрению и общей оценке содержания отдельных глав книги.

Первая глава, как уже было сказано, посвящена понятию русской философии, которая обсуждается здесь как философская традиция, являющаяся с необходимостью и сущностно национально русской. Чтобы быть таковой, полагает автор, она должна иметь религиозный характер, писаться в литературном стиле и быть проблемно и тематически укорененной в философской традиции, восходящей практически к Византии. Это сугубо внутренняя философия русских людей, обладателей так называемой русской души, носителей так называемой русской идеи. Более подробно данный вопрос исследуется в книге в контексте высказываний целого ряда мыслителей, так или иначе обсуждавших данную

тему: от Николая Гоголя (озвучившего соответствующую позицию устами Тараса Бульбы) до Николая Плотникова и его критики современного состояния философии в России.

Как философское направление русская философия представлена в книге такими мыслителями как И. Киреевский, К. Аксаков, А. Хомяков, Н. Трубецкой. Русская философия противопоставляет себя рационалистической философской традиции Европы и поэтому не является университетской, систематической, ориентированной на четко обоснованную аргументацию. Здесь философами могут считаться и А. Пушкин, и А. Чехов, и Ф. Достоевский — одним словом, все выдающиеся представители того, что может считаться русской культурой.

Деблазио подробно не обсуждает конкретное содержание концепций перечисленных русских философов, а скорее исследует то, как их наследие существует и воспринимается сегодня. Здесь приводятся и результаты опросов Левада-центра от 2008 г., согласно которым не менее 3 из 5 респондентов считают, что у России свой уникальный путь, отличный от пути других стран, а также и свой собственный характер, выражающийся в том, что называется «самобытностью». Надо отдать должное академической дистанцированности автора от обсуждаемого ею материала: Деблазио мимоходом упоминает здесь и о том, что корни подобного «исключительно русского» мировоззрения можно отыскать в немецкой романтической философии и натурфилософии Ф. Шеллинга, а также о некоторой неязвности аргументации об исторической миссии русской идеи в свете «перерыва» в этой историчности, вызванного советской эпохой. Автор даже находит сходства между русской религиозной и современной аналитической философией: представителям обоих направлений приписывается отсутствие интереса к метаанализу и неприятие других философских подходов.

Присутствие проблематики русской религиозной философии в современной философской мысли в России исследуется во второй главе на материале содержания ряда периодических философских изданий, выходящих в 1990-е гг., с общим выводом о том, что к концу 1990-х наметился спад появления подобных текстов, а вместе с ним и закат ряда философских журналов. Автор при этом делает заключение о доминировании русской религиозно-философской тематики в философских журналах в начале 1990-х (р. 63), не исследуя содержания таких флагманов как советской, так и российской философской периодики как «Вопросы философии» и «Философские науки», хотя сама же называет «Вопро-

сы» самым влиятельным философским журналом в России (р. 42) и указывает на то, что в российской философии после распада СССР не было процесса десоветизации: просто кафедры диалектического материализма стали кафедрами теоретической философии, кафедры исторического материализма – кафедрами социальной философии, а кафедры научного атеизма зачастую становились кафедрами философии религии (р. 156). Но если в советской философии наиболее репрезентативными были упомянутые два крупных журнала, а российская философия не претерпела коренных изменений после распада СССР, то насколько же тогда репрезентативной является сделанная автором выборка, состоящая из таких журналов как «Начала», «Ступени» и «Логос»?

Третья и четвертая главы представляют собой следующий тематический раздел в аргументации автора. Он посвящен истории русской философии: конкретно – тому, как она писалась в России в разные исторические периоды и как, собственно, понималась в эти периоды сама русская философия. В качестве цели своего исследования в данном разделе автор обозначает выявление смешения двух философских парадигм (парадигмы русской философии и парадигмы так называемой философии в России), которые сегодня, по мнению автора, обуславливают риторику конца русской и советской философии (р. 67). Здесь обсуждаются работы Е. Боброва, Э. Радлова, М. Ершова, Г. Шпета, исследуется понятие историософии, кратко обзревается работы по истории русской философии, появившиеся в советское время. Отдельно исследуются постсоветские истории русской философии в работах П. Сапронова, А. Замалеева, Б. Емельянова, В. Сербиненко, С. Половинкина, М. Маслина и др. Здесь автор указывает на частое смешение философии и литературы в экспликации указанными авторами истории русской философии, что, по ее мнению, обусловило появление таких мифологизированных понятий как «русская идея».

В этих главах речь идет также о том, что работа русских философов или историографов русской философии зачастую не в полной мере соответствует тем требованиям, которые чаще всего предъявляются к философским текстам, публикующимся на мировом уровне. Так, например, озабоченность русских философов «русскостью» их философии не имеет аналогов в американской, французской или, скажем, немецкой философии, но зато имеет таковые, например, в Африке (р. 65). Цитируя таких критиков современной русской философии как Н. Плотников и В. Куренной, автор указывает на отсутствие, собственно, философского, а не историко-философского вклада

современных русских философов в их дисциплину, а также на встречающуюся недобросовестность в работе: поспешность обобщений, крайне скудная для адекватного историко-философского исследования эмпирическая база, склонность к спекуляциям. Данные аспекты Деблазио однако предлагает рассматривать не столько в терминах «безыдейности» современной русской философии, сколько в терминах нехватки профессионализма у конкретных ее представителей (р. 103). Данная тематика обсуждается более подробно в оставшихся частях монографии. Здесь же автор заключает, что философия как дисциплина в современной России находится где-то между двумя упомянутыми выше парадигмами: «Она придерживается своей наиболее консервативной традиции и при этом формирует новые дисциплинарные нормы, несовместимые с этой традицией. Таким образом, первое десятилетие 2000-х характеризуется как момент перехода и одновременно как момент стагнации. Новые начинания уже виднеются на горизонте, но при этом они остаются сфокусированными на старых привычках» (р. 103).

Лично для меня здесь осталось непонятным, что именно автор делает предметом своих обсуждений. Если речь идет только о русской философии, то не вполне ясно, где именно внутри этой дисциплины проглядывают новые горизонты и в чем конкретно они выражаются. Та же критика В. Куренным книги В. Красикова, приводимая в книге, является не внутренней, а внешней по отношению к русской философии, ибо В. Куренной данную традицию не представляет. Другая упоминаемая в книге публичная критика русской философии, конкретно: критика П. Кузнецовым А. Замалеева как «ископаемого советского динозавра» (р. 98), также вряд ли может считаться внутренней для русской философии и в лучшем случае может быть отнесена к столкновениям поколений внутри российской философии. Примеров подобных столкновений и публичной критики (или полемики) мы знаем достаточно, но вряд ли все это относится непосредственным образом к судьбам русской философии или ее истории.

Если же мы соглашаемся, что эта критика русской философии озвучивается представителями других философских дисциплин, то тогда не вполне понятно, почему эта критика должна быть иллюстративной относительно российского философского ландшафта в целом — как если бы русская философия была здесь изжившей себя, но все еще доминирующей традицией! Сегодня у нас действительно можно наблюдать обвинения в несоответствии профессиональным нормам, однако непонятно, почему русская

философия как таковая здесь оказывается особым объектом исследования. К сожалению, Деблазио никак не поясняет этот момент.

Пятая глава, в которой, как обещает автор (р. 103), должен быть выявлен недостаток профессионализма в русской философии, посвящена обсуждению философских концепций С. Хоружего и В. Подороги, которые, по словам Деблазио, представляют собой две антропологические альтернативы русской философии как той модели, согласно которой русская литература является философской, а русская философия — литературной (р. 157). Автор признает, что Хоружий и Подорога «резко различаются своим стилем и выводами» (р. 105), однако, тем не менее, считает возможным исследовать их в тандеме внутри одной главы в силу набора общих черт, которые она обнаруживает в их концепциях и которые важны для целей и задач ее исследования. На с. 106 мы находим перечисление этих общих черт. Во-первых, Хоружий и Подорога критически относились к «русской идее», начиная с ранних 1990-х, когда она вновь возникла на философском горизонте. Во-вторых, оба рассматривают антропологию как отправную точку философского исследования. В-третьих, оба отказываются от эссенциализма субъекта. В-четвертых, обоим интересен Достоевский и философские аспекты его наследия. В-пятых, каждый считает, что в его собственной концепции осуществлена реконструкция философских дисциплин, оказавшихся не в состоянии описать человеческий опыт удовлетворительным образом.

В общем и целом, в данной главе речь идет и об энергиях, и об исихазме, и о старце Зосиме, и о М. Мамардашвили, и о визуальной антропологии, а также о роли человеческой кожи в качестве границы тела и одновременно области его соприкосновения с тем, что телом не является. Здесь же излагаются критические воззрения Хоружего и Подороги по отношению к русской философии, которые, похоже, не занимают какой-либо значимой части в формулировке их собственных философских концепций. Признаюсь, роль этой главы внутри общей аргументации книги осталась мною не понятой, несмотря на указание автора о том, что с концепциями этих двух мыслителей связан конец русской философии. И если бы кто-то попросту сказал мне, что содержание этой главы «притянуто за уши» к общему содержанию книги, то я вряд ли сразу нашелся бы, что ответить такому критику.

Последняя, шестая, глава книги посвящена судьбам интеллигенции в России. Интеллигенция здесь, как сейчас это принято, противопоставляется интеллектуалам (хотя, к сожалению, их культовое

для последнего времени пелевинское противопоставление не упоминается даже в примечаниях). Автор исследует понимание понятия интеллигенции у дореволюционных теоретиков, а также и его современную интерпретацию, как (цитирую без перевода): «a romanticized collection of educated and disaffected workers of the mental professions or creative class» (р. 146), указывая на то, что сегодня наблюдается приход интеллектуалов на смену интеллигенции. При этом из главы следует, что в сфере философии это должно быть выражено не только содержательными, но и институциональными изменениями.

Заключением всей книги является указание на то, что процессы, происходящие в современной российской философии расширяют содержание понятия русской философии, приближая его к тому, что, по мнению автора, однажды сможет в полной мере называться «философией в России».

Подводя общий итог книги, хотелось бы повторить, что аргументацию автора (насколько я ее понял) довольно трудно признать прозрачной и убедительной. Ее зачастую намеренная селективность по отношению к анализируемым темам и используемым источникам делает данное исследование авторским (если не сказать субъективным). К тому же остается только недоумевать, в чем, собственно, заключается «прибавочный продукт» этого исследования в целом: почему «риторика конца» важна для современного российского философского контекста? Она не является показательной относительно общего философского ландшафта, она не свойственна русской или советской философии (в каком бы виде они сегодня ни существовали), а высказывается лишь внешними критиками, для которых два последних направления зачастую оказываются чужды по самым разным причинам.

Трудно также понять и то, почему именно конец русской или советской философии означает переход к некоей новой формации, обещающей превратиться в философию в России. Философия науки, эпистемология, логика, культурология, история философии, феноменология долгое время существовали в нашей стране и, в отличие от русской философии, не играли маргинальных ролей в течение последних десятилетий. Скорее, наоборот: в советское время логика, философия науки и история философии зачастую служили своего рода спасительной нишей для творчески-ориентированных философов. И если сегодня что-то и характеризует отечественную философию, то это именно указанные направления, а не русская философия, которая в 1990-е начала возрождаться усилиями отдельных мыслителей. Это, насколько я смог понять, отчасти признает

и сам автор, но, если так, то в чем тогда заключается актуальность темы исследования? Кому и почему это исследование может быть интересно? Насколько мне удалось понять, оно, главным образом, ориентировано на нероссийского читателя и может быть интересно тем иностранным коллегам, которые знают о русской философии, как об эдаком мистическом и малопонятном направлении, тесно связанном с литературой и культурой, и хотели бы узнать, как со всем этим обстоят дела сегодня. Мне кажется, что монографию вполне можно признать отвечающей данному запросу. Ведь помимо обсуждения русской философии, она также содержит и много деталей современного российского социально-политического, а также культурного контекста. Здесь и обсуждение подмосковных пожаров 2010 г., и изложение содержания книги С. Минаева «Духлесс», и московские протесты 2011–2012 гг., и даже последний фильм А. Балабанова «Я тоже хочу». Все это довольно реалистично обрисовывает ту среду, в которой существует российская философия сегодня.

При этом я не хочу сказать, что книга ничем не интересна для отечественного читателя, но поскольку последний сполна знает если не русскую философию, то хотя бы наш отечественный профессиональный контекст, ему в монографии может быть интересно другое: а именно то, как все это пространство выглядит в глазах хоть и внешнего, но вполне благосклонного наблюдателя. И я в этой рецензии попытался показать, как именно. Что же касается вопроса о том, как может восприниматься и оцениваться современная российская философия в целом, то по этому поводу, как уже было сказано в начале, Деблазио вполне однозначна и лаконична: «Такого исследования не существует» (р. 14).

А жаль, ведь автор однозначно права в том, что российская философия как часть академической и университетской науки находится сейчас в стадии трансформации. Принимаемые сегодня решения в области организации и финансирования науки не смогут не оказать влияния на тот облик, которым отечественная философия будет обладать уже в самом недалеком будущем, ведь, как известно из ряда социальных исследований в области науки, в том числе и философии, ее содержательная составляющая оказывается в значительной степени зависимой от ее внутренней организации и от той роли, которую она играет в общественной жизни¹. В последнее время российские философы были весьма заметны в публичном пространстве. И это связано не только с проблемами вокруг здания Института философии или ставками и бюджетными местами в бакалавриате философских факультетов. Отечественные философы выступали и выступают в публичном пространстве, давая экспертный комментарий конкрет-

ным решениям властей, участвуют в просветительской деятельности, популяризируют философию². Их сегодняшняя публичность, быть может, даже более заметна, чем публичность их западных университетских коллег. Именно эта деятельность сформирует то, что автор называет будущей философией в России, поскольку осуществляющие ее люди представляют мейнстрим российской философии: это философы науки, эпистемологи, логики, историки философии, социальные и политические философы, культурологи. И, с этой точки зрения, конечно, хотелось бы видеть исследования именно этих процессов и обсуждаемых в них теоретических исследований, но таковых действительно пока нет ни у нас, ни где-либо еще. Однако вряд ли это следует ставить в вину автору рецензируемой монографии. Социальная философия науки в постсоветской России сегодня только начинается, и плоды ее деятельности будут напрямую зависеть от работы отечественных философов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом, например: Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. – Chicago, 1976; Callon M. *From Science as an Economic Activity to Socioeconomics of Scientific research. The Dynamics of Emergent and Consolidated Techno-economic Networks* // Mirowski P., Sent E. (ed.) *Science bought and sold. Essays on the Economics of Science*. – Chicago; London, 2002. P. 277–317; Sismondo S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. – Chichester, 2010. P. 189–204; Касавин И. Т. Как возможна политическая философия науки? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 3 (vol. XLV). С. 5–15.

² В качестве показательных примеров упомяну здесь совместный проект Института философии РАН и библиотеки им. Ф.М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст», выступления российских философов в проекте «Постнаука», их выступления и публикации в СМИ («Новая газета», «Троицкий вариант», телеканал «Культура»).

REFERENCES

- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, 1976.
- Callon M. *From Science as an Economic Activity to Socioeconomics of Scientific research. The Dynamics of Emergent and Consolidated Techno-economic Networks*. In: *Mirowski P., Sent E., (ed.) Science bought and sold. Essays on the Economics of Science*. Chicago, London, 2002, pp. 277–317.
- DeBlasio A. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*. New York, 2014.
- Kasavin I. T. How is political philosophy of science possible? In: *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. No 3 (vol. XLV), pp. 5–15 (in Russian).
- Sismondo S. *An Introduction to Science and Technology Studies*. Chichester, 2010, pp. 189–204.